

— Когда я пошёл за лекарствами, там тоже был полный хаос, — сказал А-Нин. — Лекарства с зерном в одну кучу свалены, наверное, то, что повстанцы раньше награбили. Много, даже с избытком. Видел, несколько упаковок жимолости уже начали портиться.

Способ управления городом у Хуан Вансяна, похоже, сводился к простому и грубому: отправить войска поддерживать порядок, а потом с бессистемной всеобъемлющей «добротой» принять под своё крыло всех скитающихся по свету бедняков. За счёт ранее награбленного зерна он создавал нынешнюю, кратковременную иллюзию стабильности. По улицам текла грязная вода, многие люди с жёлтыми, измождёнными лицами сидели на корточках. Лю Сюаньань спросил:

— Когда ты сегодня лекарства получал, тебе препятствовали?

— Нет, они в основном за зерном смотрят, лекарства же как попало навалены, — ответил А-Нин. — Я сам всё искал, никто и внимания не обратил. По дороге ещё одного лекаря встретил — тоже сам себе лекарства искал.

— Тогда с завтрашнего дня поставим в храме лечебную палатку, — сказал Лю Сюаньань. — Ты с братом Ваном и остальными поищите чистых столов да табуретов.

— Ладно, — согласился А-Нин. — Я поищу.

Лю Сюаньань удивился:

— Чему это ты так обрадовался?

А-Нин усмехнулся:

— Думаю, как бы поразились глава поместья, матушка да старший брат, узнай они про это. Все ведь думают, что господин сейчас с князем по горам да водам путешествует.

Лю Сюаньань же подумал, что путешествовать с князем — это прекрасно. Ему бы очень хотелось путешествовать.

А-Нин взял его под руку, и они пошли дальше:

— Но то, что мы сейчас делаем, очень важно.

Лю Сюаньань считал, что путешествовать с Лян Шу тоже важно, и не только важно, но и интересно. Он сказал А-Нину:

— Когда в Поднебесной воцарится покой, я с князем все края света обойду — и север, и юг, и восток, и запад.

А-Нин был удивлён. Он думал, что если настанут спокойные времена, господин снова превратится в прежнего изнеженного лентяя, и не ожидал, что у того такие далекоидущие планы.

Лю Сюаньань с энтузиазмом принялся расписывать: в первый год — на такую-то гору, во второй — к такой-то реке, на третий — взобраться на опаснейшую вершину вышиной больше двух тысяч чжан, такую, что и обезьяна не взберётся. А-Нин слушал, и у него сами собой подкашивались ноги, так что на десятом году он не выдержал и перебил:

— А князь согласился?

— Я ещё не успел с ним об этом поговорить.

— Да план-то у вас, господин, слишком долгий, на всю жизнь почти, — напомнил А-Нин. — И даже если князь в будущем не будет больше охранять северо-запад, даже если станет праздным богачом, ему ведь всё равно жениться нужно. А женится — как же он станет с вами по горам да рекам шататься?

Лю Сюаньань в раздумье: а жениться-то ему обязательно?

— Но мне кажется, князь, как и я, не интересуется женитьбой, — сказал он.

А-Нин покачал головой:

— Князь непременно женится. Если не на третьей дочери, так на какой-нибудь принцессе или княжне. Император обязательно брак устроит.

Лю Сюаньань подумал: «И чего это император суётся не в свои дела? Даже отец мой мной не командует».

А-Нин тем временем загибал пальцы, перечисляя достоинства Его Высочества князя Сяо. Пусть репутация у князя грозная и неважная, кого-то это и отпугнёт, но положение высокое, годы молодые, военных заслуг не счесть, да и видом высок, статен, красив. А-Нин сказал:

— Ведь так, господин? Даже среди всех жителей Великой Янь князь по внешности в первую сотню войдёт.

Лю Сюаньань остался недоволен:

— Почему только в сотню?

А-Нин удивился: а разве этого мало? В Великой Янь ведь больше шестидесяти миллионов народу. Лю Сюаньань же считал, что как минимум первым должен быть.

— ...Если уж первый, то «как минимум» тут ни при чём.

— Всё равно первый.

Так они и возвели Его Высочество князя Сяо на пьедестал первого красавца Великой Янь.

А-Нин спорить не стал, а продолжил:

— Ну да, коль уж князь и вправду самый красивый, то желающих за него замуж выйти будет ещё больше. Господин, вам лучше свои планы на путешествия пересмотреть. Давайте лучше заведём побольше друзей — это тоже часть проблем решит.

Лю Сюаньань зажал ему рот, не желая продолжать тему:

— Насчёт брака князя я ещё подумаю.

А-Нин совсем запутался: «Какое отношение брак князя имеет к нам? И как это — „подумать“? Господин, вам бы лучше о своём браке подумать. Как вернёмся, матушка опять за своё возьмётся».

Лю Сюаньань и о своём браке думать не хотел, потому серьёзно заявил:

— Об этом я тоже с князем посоветуюсь.

На сей раз А-Нин не стал спрашивать, а сразу потянулся проверить, не горячий ли у господина лоб. Они немного побегали друг за другом по улице и невольно оказались перед большим, ярко освещённым домом. Множество солдат с мечами ходили туда-сюда в патруле, охрана была плотной. Заметив их, стража громко прикрикнула, веля убираться.

Лю Сюаньань ухватил А-Нина за рукав и потащил в боковой переулок. А-Нин шёпотом спросил:

— Это жилище предводителя повстанцев?

— Да, разве не заметил? На воротах табличка «Золотой Трон» висит, — сказал Лю Сюаньань. — Чуть дальше — городские ворота. Видишь, масляные светильники горят, всё небо освещают. Слышал, поначалу охрана не так строга была, но армия Янь потихоньку продвигается, потому постов на стенах всё больше.

— Может, лучше вернёмся? — предложил А-Нин. — С трудом же пробрались, а теперь ночью по переулкам шныряем — за воров примут...

Не успел договорить, как сзади раздался окрик:

— Кто такие? Чего тут прячетесь?

А-Нин: «...»

Лю Сюаньань уловил главное.

Вот это ты быстро сбываешься. Смотри впредь не болтай, что князь на ком-то женится.

Яркие факелы окружили их со всех сторон. А-Нин, глядя на повстанцев с длинными мечами, заикаясь, стал объяснять:

— Мы... мы только сегодня в город прибыли, дорогу не знаем, вот и забрели сюда. Ничего не воровали!

— Только прибыли — сидели бы на месте, чего по ночам шляетесь? — старший из них придвинул факел ближе, чтобы разглядеть лица. Лю Сюаньань отшатнулся от жара, заслонив собой А-Нина, и пояснил:

— Мы с братом — лекари. В храме многие заболели, слышали, в амбаре лекарства выдают, вот и пошли поискать.

Он при этом слегка помахал рукой за спиной, давая знак трём охранникам, скрывавшимся в тени: не приближаться. А-Нин по-прежнему вцепился в рукав своего господина, изображая полнейший испуг перед оружием. Оба они — один тщедушный, другой худой — на большой переполох были не способны. Один из повстанцев сказал:

— Генерал Юань, коли они и вправду лекари, пусть старого Мяо посмотрят, не придётся доктора Чжана звать.

Того, кого называли «генералом Юань», звали Юань Цзун. Статен был, дороден, прямо как генерал с театральных подмостков. Юань Цзун окинул Лю Сюаньяна взглядом и спросил:

— Лечить умеешь?

— Сносно.

— Пошли, — сказал Юань Цзун, поворачиваясь. — Поможешь моему старшему брату рану обработать.

Трое охранников следовали за Лю Сюаньанем на почтительном расстоянии, пока тот не вошёл в сияющий огнями «Золотой Трон». Вокруг дома сновали патрули, но для троих, проворных как ястребы, это не стало помехой — они без труда проникли внутрь.

Лю Сюаньяня привели в обширный двор. Как раз в этот момент кто-то зачитывал указ, повышая прикованного к постели старого Мяо с заместителя до генерала. Юань Цзун поспешил его поздравить, со двора тоже повалил народ с поздравлениями — слева генерал Ли, справа генерал Чжао. А-Нин за всю жизнь столько генералов вместе не видел, глаза разбегались, и он никак не мог запомнить, кто есть кто.

Зато Лю Сюаньянь запомнил. Более того, по их разговорам он примерно выстроил иерархию среди этого генеральского скопища. Юань Цзун по-прежнему был на первом месте, а новый генерал Мяо, благодаря заслугам, тоже пользовался весом.

Генерала Мяо звали Мяо Чанцин — «Вечно Зелёная Трава». Он и вправду большую часть жизни усердно землю пахал, и ноги от многолетнего труда в это время года всегда болели. Лю Сюаньянь сел у изголовья и сделал ему несколько уколов, между делом спросив:

— Раньше вас лекари смотрели?

<http://bllate.org/book/16268/1464404>